

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ОБРАЗОВ МНОЖЕСТВА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И НАУЧНОМ ТЕКСТАХ

Статья посвящена описанию стилистических функций, которые выполняют единицы лексико-семантической группы «Образы множества», а также функционально-семантического поля «Множества» в художественных и научных текстах. В художественных произведениях частотная воспроизводимость номинаций квантитативной семантики связана с тем, что они являются основой разнообразных тропов и фигур: гиперболы, художественной метафоры, антитезы, амплификации, иронии, катахрезы, аллюзии, инверсии и пр. В метаязыке лингвистического описания «образы множества», несмотря на свою метафорическую основу, прежде всего реализуют номинативную функцию – используются для обозначения дискретных и недискретных множеств языковых единиц и специальных понятий.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, количественные метафоры, стилистические тропы и фигуры, экспрессивный контекст, интенсификаторы, гипербола, литота, художественная метафора.

Теоретические основы и практические основания

В качестве исходных для данной статьи мы принимаем постулаты Н. А. Лукьяновой: 1) «образы множества» в художественной речи «используются как средства художественной изобразительности и вследствие этого вовлекаются в круг объектов, изучаемых лингвостилистикой»; 2) «рассматриваемая ЛСГ лексически незамкнута <...> постоянно пополняется новыми единицами», свободно создающимися по аналогии с узуальными образами [1986. С. 124, 133].

Для «чистоты эксперимента» мы не стали обращаться к Национальному корпусу русского языка, чтобы избежать некоторой «заданности» эмпирического материала – поиска контекстов по конкретным лексе-

мам, хорошо нам известным из работ Н. А. Лукьяновой. Вдохновленные и «вооруженные» ее идеями, мы вполне осознанно использовали «ручной» способ составления картотеки¹, гарантирующий выбор из авторских текстов ярких, оригинальных, даже уникальных, «образов множества»: *дружина стульев, шмат людей, стеной навалилась музыка, ожерелье кур, делегационное охвостье, чиновничья шушера, дивертисмент уловок, созвездье постсоветских стран, половинки и четвертинки фраз, материк счастья, фонтаны смайликов* и мн. др.²

Неизбежная случайность и субъективность «ручной» выборки не препятствует решению поставленной цели, которая заключается не столько в поиске верифицируемых результатов, сколько в желании

¹ Хотя понимаем, что и он грешит пресловутой «заданностью», связанной с субъективным выбором литературных источников. По внутреннему ощущению, любая картотека / выборка / эмпирическая база отчасти субъективна. Как это ни банально, лингвист тоже человек и «выбирает по себе...». Но это отдельная тема исследования – о «человеческом факторе» в иллюстрациях к лингвистическим работам.

² Принадлежность лексем к «образам множества» подтверждается словарными дефинициями, а именно различными метапоказателями количественной семантики в их лексических значениях (ЛЗ), например: *шушера* 'ничтожные или дурные люди, сброд', *охвостье* 'остатки разгромленной, распавшейся группы или организации', *дивертисмент* '1) концерт или спектакль, состоящий из отдельных номеров' [БТС, 1998].

пройти по пути, проложенному 40 лет назад Н. А. Лукьяновой³, погрузиться в ее тему, понять то, что когда-то поняла она, «образы» количественными смыслами, образами и коннотациями и попробовать через предложенную «призму» увидеть что-то другое (наверняка, не новое, но свое), а именно – максимально полно описать стилистические эффекты использования «образов множества» в основе разнообразных тропов и фигур.

Материалом исследования является картотека, включающая более 400 контекстов из современной (*новойшей* – в исторической терминологии) художественной литературы, преимущественно русских авторов: Л. Улицкой, Д. Рубиной, Н. Соколовской, Е. Чижовой, Д. Быкова, Д. Липскерова, Д. Гуцко, З. Прилепина, А. Проханова, А. Слаповского и др.⁴

«Текстоцентрический» подход к исследованию «образов множества» позволил расширить представление о данном лингвистическом объекте, достроить лексико-

семантическую группу (ЛСГ) до функционально-семантического поля «Множества» (ФСП), в состав которого входят, помимо собственно «образов множества» (или в другой терминологии – «количественных метафор»), во-первых, лексемы со значением 'мало' / 'в небольшом количестве' (*глоток, клубок, комок, кучка, ручеек, сгусток, семья, стайка, струйка* и др.); во-вторых, функциональные эквиваленты различной грамматической природы: безобразные номинативы с квантитативной семантикой (*ассортимент, большинство, гектар, группа, дюжина, количество, коллектив, множество, очередь, пара, сотня, толпа* и др.), наречия и наречные сочетания (*без счета, невпророт, гурьбой, скопом, по горло*), неопределенно-количественные числительные (*много, мало*) и их словообразовательные дериваты (*немного, немножко, много-много, многожды*), фразеологизмы (*джентльменский набор, кот наплакал, бог знает сколько*) и устойчивые сочетания (*несметное количество, повальное большинство, полный дом*)⁵. Безусловным центром данного поля даже формально, по количеству единиц, является ЛСГ «образы множества»: в структуре ФСП их доля составляет 63 %, а с учетом образов, вербализующих смысл 'мало', – 72 %.

«Множество» как объект художественной рефлексии

Нужно признать, что идея множества как ментальная абстракция, универсальная по своей природе⁶, интересна не только лингвистам. Эту тему активно «исследуют» писатели, пытаясь осмыслить количество и разные величины как нематематические сущности, имеющие общечеловеческую значимость, но не всегда доступные для понимания: *Всякий новый город <...> повергает меня в бесполезные размышления об огромном количестве населяющих его людей и автомобилей... Меня просто убивает*

³ Если принимать во внимание первые публикации, посвященные данной теме [Лукьянова, 1974а; 1974б; 1975], а также биографический факт: «После защиты кандидатской диссертации в 1967 г. подключилась к этой тематике [изучению проблем экспрессивности и описанию метафорической лексики] и я, и первым моим опытом в этой области стало изучение слов с метафорическим значением 'большое количество однородных предметов, явлений'» (*Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте. 2011 (рукопись)*).

⁴ Сплошная выборка позволяет делать выводы: 1) об активности слов с квантитативной семантикой в том или другом художественном произведении (например, во вполне сопоставимых по объему (около 350 страниц), теме и сюжету романах З. Прилепина «Патологии» и Д. Гуцко «Русскоговорящий» было зафиксировано соответственно 76 и 72 случая использования номинаций количества, включая образные); 2) об индивидуально-авторских предпочтениях в выборе источников «образов множества» (например, *туча* у А. Иванова: *девятиклассники тучей облепили... стол; в туче дыма и пара, туча снежной пыли* (Географ глобус пропил), возможно потому, что взгляд главного персонажа все время устремлен в небо) и частотных их воплощениях (например, Д. Липскеров всегда ассоциативно сближает слезы с образом моря: *Когда же импресарио увидел слезный блеск в глазах присутствующих, все переполнилось в нем самом и полилось соленым морем на татарские скулы...; – Ваня, ты?! – взволнованный до предела. – Я, милая, я... – Глаза полковника вновь наполнились морем; Я буду скучать по тебе, дед! – признался Ягердышка... Из его глаз брызнуло морем* (Д. Липскеров. Родичи)).

⁵ Более расширенный состав ФСП требует также включения словообразовательных дериватов: *скучиться (скупенный), кучковаться, топиться / столпиться* (а также *столпотворение*, которое в нарушение «деривационной истории» данного слова, в результате декорреляции, стало возводиться к мотивирующему *толпа*, а не *стол*).

⁶ Не случайно *много* и *немного* названы в ряду других семантических примитивов [Вежицкая, 2001. С. 53].

мысль обо всех этих людях. **Точное число тут теряет всякий смысл. Я не в состоянии представить себе это количество...** Нас, людей, **развелось такое количество, которое не воспринимается моим сознанием даже в абстрактной форме...** (Э. Лу. Во власти женщины)⁷.

С одной стороны, множество осознается как миф, некоторая ирреальная сущность, а в реальности человек окружен вещами единичными и единственными. Этот тезис подтверждается аргументами чисто утилитарного, даже меркантильного свойства, например: **Конечно! Автомобилей великое множество, из них есть те, которые я могу себе купить. Их уже гораздо меньше. А из этого сокращенного числа есть те, которые мне нравятся. Их уже просто единицы. Дальше какая-то случайность во время окончательного выбора, и вот у меня есть мой автомобиль** (Е. Гришковец. Реки).

С другой стороны, множество – это количественный индекс современной реальности, в которой живет человек, ежедневный «контекст», в который он погружен⁸. Будучи существом общественным, он априори часть массы, толпы, бурного людского потока, в котором личное пространство ограничено и сжато. Не каждой «единице-человеку» комфортно и удобно в таком «множестве-социуме», заполняющем собой все городское пространство. Это своеобразная плата за цивилизацию, которая вырвала человека из естественных условий обитания, заставила его жить в ускоренном ритме, мучительно не совпадающем с внутренней потребностью и предпочитаемым темпом жизни, который, в отличие от городского многолюдья и густонаселенности, не поддающейся никакой «дискретизации», можно хотя бы попытаться измерить и определить: *Дело в элементарном многолюдье:*

⁷ В этом отношении, наверное, ребенку проще: *Когда женщине восемь лет, математика понимается душой. За числом «сорок» начинается бесконечность. Мировая история кажется беспорядочной горой принцесс, пиратов, человекообразных и дохлых динозавров* (Слава Сэ. Ева).

⁸ Фигурально выражаясь, «образы множества» повсюду, это мода сегодняшнего времени – эпохи всевозможных ассортиментов. Если книги и фильмы, то *сериями* и *сериалами*, если товары и продукты широкого потребления, то *линейками* и *в ассортименте*, если тексты для филолога – то в виде *Национального корпуса русского языка*, и пр.

человек в городе – например, за минуту спуска или подъема на эскалаторе метро видит столько людей, сколько деревенский житель XIX века видел за всю свою жизнь. Скорость жизни (внешняя) измеряется человеками в час. Минимально возможная – один человек в час, т. е. ты сам с собою. Скорость контролера на входе в футбольный стадион может достигать нескольких тысяч человек в час. Поэтому эти контролеры, как и все другие, имеющие дело с потоками людей, становятся такими раздражительными и неприветливыми: сумасшедшая скорость любого вымотает до полусмерти. К слову: моя любимая скорость – 2 человека в час: я и еще кто-то. В принципе, это и есть средняя скорость моей жизни. Бывает и десять, и сто, но часто и – один. И даже ноль. И даже минус один... (А. Слаповский. Оно).

Склонность писателей к рефлексии (обращение внимания на самого себя, на функции и содержание собственного сознания...), как профессиональная черта, обусловливает широкий и разнородный спектр объектов осмысления, главными из которых, на наш взгляд, являются формы языкового выражения того или иного неязыкового содержания⁹. Так, в отношении семантики множества авторы не только пытаются содержательно определить категории 'много / мало', но и обосновать выбор той или иной номинации – языкового способа их презентации. «Животрепещущим» в современной литературе является не только вопрос типа: «*Три ореха – это куча?*»¹⁰. Авторы, что называется, рассуждают вслух (иногда скры-

⁹ По нашим наблюдениям, рефлексивы лингвистического свойства особенно характерны для авторов, «отягощенных» филологическим образованием (А. Слаповского, Е. Чижовой, Н. Соколовской, З. Прилепина и др.). Например, показательным в этом отношении является вариант редакции художественного текста. Например, при сравнении более ранней электронной версии романа «Патологии» З. Прилепина с более поздней книжной мы обратили внимание на основной «тренд» правки, в частности на то, что «голые» цифры заменяются «образами множества». Ср.: *...итак, липкая компания* [вместо *полтора десятка или даже больше*] *пирожных безобразно заполняли... пакет, перемазав легкомысленным кремом суровую спину одинокой ржаной буханки.*

¹⁰ Вопрос Мартышки из мультфильма «38 попугаев» в современном дискурсе приобрел статус прецедентной фразы, которую часто цитируют, например, в пародийных текстах: «*Три ореха – это куча? Три человека – это митинг?*» (из радиоэфира).

ваясь за «масками» своих персонажей) о коннотациях слова / выражения и приемлемых контекстах его употребления. Они вербализуют свою интуицию в отношении прагматики слов, например: *Так весело было идти вместе со всеми – язык не поворачивался назвать этих необыкновенных людей толпой!* – сначала по лестнице вниз, потом по улице Чапыгина, потом по Чистопрудному бульвару. На бульваре все выстроились в колонну, которая выглядела довольно внушительно из-за своей многочисленности... (А. Берсенева. Игры сердца)¹¹, дифференцируют близкие и синонимичные единицы, например: – Она [баба Зина, соседка], похоже, простыни коллекционирует? – Не-ет! То ж она из своей прачечной прет. Это же не коллекция... Надо же разницу чувствовать. Если хомяк в нору зерна натаскал – это коллекция? Нет. Запас. А вот когда сорока в гнездо блестяшки тащит – это уже коллекция, так? (Д. Гуцко. Русскоговорящий)¹².

В этих авторских рассуждениях находим «образы множества» (например, *очередь, толпа*¹³), возведенные в символ – страны,

¹¹ Без сомнения, лексема *толпа* в этом контексте действительно неуместна и противоречит контекстному окружению (веселому, а не мрачному, настроению, организованному, в колонну, шествием, дискретной множественности – *многочисленности*) и повествованию от первого лица – человека, находящегося внутри людской массы.

Толпой обычно называют что-то внешнее, постороннее, за чем человек наблюдает со стороны. Возможно, именно поэтому *толпа* аккумулирует целый шлейф негативных коннотаций, актуализированных в образе неуправляемой, злой стихии, приносящей разрушения (ср.: *темная, яростная, разъяренная, безумная толпа; толпа надвигается, приближается, смекает ограждения, толпа снесла, смела...* и пр.).

¹² К этой полемике хочется подключиться и предложить обсудить другую пару примеров: *запас слов* (*активный, пассивный*) и *блестящая коллекция перлов* (например, из школьных сочинений), – и в результате согласиться с предложенным основанием для разграничения, потому что *запас слов* – это, с позиций лингвиста, необходимый повседневный инструмент, с позиций преподавателя курса лексикологии – обязательная «рутина», с позиций носителя языка – будничная речевая практика (ср.: *На плавившемся под полуденным солнцем асфальте дети в разноцветных шортах выдавливали краткие и особенно полюбившиеся им в человеческом лексиконе слова <...> У меня богатый запас подобных слов и более-менее удачных комбинаций из них...* (З. Прилепин. Патологии)), а *коллекция* – действительно положительные эмоции и «праздничные коннотации».

¹³ Данные лексемы входят в состав безобразных номинаций – ТГ социальных сообществ: *коллектив,*

времени, идеологии и мировоззрения: *Но никогда прежде – до Развала – не было столь навязчиво, столь проникающее чувство толпы. Были безумные, дерущиеся очереди, но в них можно было не становиться. Были дискотеки, похожие на танцующие банки селедки, но она не ходила на дискотеки. Толпу можно было легко обмануть, пройти мимо, удивленно покачав головой. Теперь же толпа пребывала повсюду – и быть или не быть в толпе больше не было вопросом выбора. Она была бесконечна. Она было всеохватна. Людей будто вычерпали из сверхсекретных закровов ро-*

контингент, команда, компания, организация, клан, диаспора, курс, группа (наряду с названиями воинских подразделений: *армия, отряд, десант, легион, оружина, войско, орда, взвод*; преступных объединений: *банда, группировка, и др.*). При отнесении этих слов к полю «Множества» мы ориентировались на ЛЗ, а именно такие метаязыковые показатели в их толкованиях, как ‘люди’ (количественная семантика передается с помощью формы мн. ч.), ‘скопление людей’.

Что касается второго обязательного критерия, введенного Н. А. Лукьяновой для «образов множества», – использование в составе генитивных конструкций [1986. С. 127], то и это требование для единиц этой группы, условно говоря, соблюдается. Нужно учитывать, что в их ЛЗ (денотативный и прагматический компонент) сема ‘люди’ «встроена» (синтаксисты сказали бы – «инкомпорирована»), поэтому лексемы типа *толпа* в основном реализуются в модели: {N_{num} + [N₂]} – с элиминированной позицией объекта. По-русски, как правило, не говорят **очередь людей, *толпа людей* (хотя плеонастическое сочетание **толпа народа* в речи используется часто).

При особом коммуникативном задании мы можем так изменить конструкцию, чтобы генитивный объект был «заполнен», например, в экспрессивном контексте: *Людей на площади – толпа*. Синтаксическое единство словосочетания здесь не разрывается, оно остается неделимым (выполняет в предложении функцию подлежащего), но в отличие от предложения с прямым порядком слов: *Толпа (людей) на площади*, – инверсивный служит выделению (актуализации) ремы.

Кроме того, вербализация генитива может быть связана с необходимостью конкретизировать объект, ср.: *толпа школьников, однокурсников, студентов, соискателей, участников конкурса, болельщиков, зрителей, зевак, любопытных, несогласных...; очередь пациентов, желающих, туристов, обманутых вкладчиков...* Более экзотичный случай – нарушение узальной сочетаемости: *толпа идей, толпа машин, толпа зайцев*, например: *Временами лицо его озарялось догадкой, и он как бы пытался ухватиться за знакомое слово, но сзади набегала толпа новых слов и уносила его куда-то* (Ф. Искандер. Письмо).

Дополнительным критерием для «диагностики» количественной семантики можно использовать сочетаемость с интенсификатором *целый*: *целая толпа, целая очередь...* (по аналогии с *целая куча, гора, груда...* чего-л.).

дины, спрессовали специальными толпоуладными машинами и выложили по городу сплошным, редко разрывающимся слоем. Только заметив это постоянное присутствие в своей жизни беспокойной **человеческой массы**, Марина по-настоящему осознала, что **в стране действительно произошло что-то большое и опасное** (Д. Гуцко. Русскоговорящий).

При этом символы могут быть исключительно индивидуальными, «разительно» противоположными по смыслу в авторских картинах мира. Так, парадокс очереди заключается в том, что ее можно воспринимать как ужас советской и постсоветской действительности, знак непрерывного ожидания и томления, насилия и принуждения, символ бессловесного бесправия и вечного хамского унижения: *«Почему я оказался здесь [в толчее, в очереди в паспортный стол]? Почему, как ни сопротивляйся, все равно тебя отыщут, вынут, встряхнут и сунут в самую гущу, в ряд, в колонну, в злые, потные очереди? Православные, советский народ, россияне, – а будет одно и то же: толпа, ходынка, очередь. Бесконечная очередь за нормальной жизнью»* (Д. Гуцко. Русскоговорящий). Очередь в художественной системе Д. Гуцко является аллегорией¹⁴ советского и, по наследству, российского общества, его неприкаянной обреченности на вечное и бессмысленное стояние в очередях (вопреки, а может, в подтверждение народной мудрости: *в ногах правды нет*). Главный герой романа «Русскоговорящий» не выдержал «испытания очередью», в паутине которой оказался не по своей вине, и до нормальной жизни так, похоже, и не добрался (по крайней мере финал романа не оставляет даже надежды на благополучный «исход из очереди»).

А можно, если посмотреть на очередь женским пристальным взглядом, увидеть иную ее суть – объединяющую силу, сближающую друг с другом чужих людей (правда, только на время «со-стояния»), дающую им отдохновение и родственное сочувствие: *«Много чего происходило в неформальных сообществах, именуемых очередями: встречаясь ежедневно, переживая общую беду, люди становились друг другу словно родные <...> Однако жизнь, протаскивая*

по ухабам всех без исключения российских седоков, очень быстро истирала скрепы очередей (О. Славникова. Бессмертный).

Стилистические функции «образов множества» в художественном тексте

В пространстве художественного текста «образы множества» становятся основой для создания разнообразных стилистических тропов и фигур. Подробно мы рассмотрим только гиперболу и художественную метафору, которые имеют непосредственное отношение к «родовым» (генетическим) признакам «образов множества». Остальные стилистические приемы представим в виде «иллюстрированного» перечня.

Основные стилистические функции «образов множества»

1. Гипербола / литота – антитеза

Статистических подсчетов частотности реализации того или иного тропа / фигуры с участием «образов множества» мы не проводили, но, по предварительным наблюдениям, значительно преобладают **гиперболы**, что в первую очередь связано с наличием в их ЛЗ коннотативной семы 'интенсивность' [Лукьянова, 1986. С. 124–125]. В художественном дискурсе, как и в разговорной речи [Крысин, 1988; Матвеева, 1997], явно прослеживается тенденция к преувеличению. По наблюдению Л. П. Крысина, основным объектом гиперболизации в разговорной речи является **«мир человека»** [1988. С. 101]¹⁵. Данное наблюдение легко экстраполируется на художественную литературу, прежде всего потому, что она о человеке и его непростых отношениях с миром.

«Образы множества» в художественном контексте не только реализуют свой образный потенциал, но и актуализируют сему 'интенсивность' – при поддержке различных интенсификаторов¹⁶ и в целом – экс-

¹⁵ Автор, перечисляя средства гиперболизации, называет в этом ряду и существительные со значением «интенсивного» множества (*вагон, куча, гора...*) [Крысин, 1988. С. 102].

¹⁶ В рамках данной работы нет смысла дифференцировать **интенсификаторы** и **интенсификаты**, которые терминологически противопоставлены по

¹⁴ Символическим, условным обозначением абстрактной идеи, понятия.

Это пришла Петровановна Ньюша и сразу, с порога, вступила с хозяйкой в **словесный коллорит**, из коего можно было различить разве что **отдельные слова и понятия**: «Вот околотень! Ну бродень!» – «Да тута, тута...» – «Двое ден как дома нету». – «Ну, будя тебе... Не под забором ляжит». – «Ишо чево – под забором...» – «Ой, гляжу на тебе кохта новая? Гдесь таку отхватила?» – «Кой – новая! Понюхай, нахталином разит». – А как седни куплена!» – «На какие ишиши? Пенсию третий месяц не кажут». – «Да ты проходи в горницу-то, проходи, не разбувайся: в мае грязи не бывает». – «Да я на секунд один, свои глазом глянуть, живой ли». – <...> «...вродя ничево, тамотка балакают. День Победы справляют»... (Е. Носов. Памятная медаль).

Образы ничтожно малого количества лежат в основе **литоты**²². Как правило, она возникает на фоне сравнения с чем-л. значительным, полновесным: ...откуда-то с нижней палубы, текла прерывистая – сквозь **шумы набережной, звон посуды в ресторане и поминутные всплески женского смеха – струйка музыки**, едва достигая отворенных дверей балкона (Д. Рубина. Синдром Петрушки); цельным: –...Вы обратили внимание, как они [семейные пары] между собой разговаривают? **Половинками фраз. Даже четвертинками. И отлично понимают друг друга** (А. Борисова. Vremena goda)

Литота может быть мотивирована уничижительной стратегией, например, при заниженной самооценке человека на фоне сравнения с величием окружающего мира: **Когда я смотрю вокруг – захлебнуться можно, сколько всего видно. А когда все, что вокруг меня, – смотрит на меня – оно что видит? Ниточку пульса? Земляничку мозга? На что тут смотреть вообще?** (З. Прилепин. Восьмерка).

Когнитивный механизм сравнения большого и малого количества, восприятие одного на фоне сопоставления с другим обусловливает использование **антитезы**²³:

²² Л. П. Крысин рассматривает литоту как частный случай гиперболы: «преуменьшение предмета – это не что иное, как преувеличенное представление малых размеров предмета» [1988. С. 98].

²³ Количественная антитеза может быть организована не только с помощью «образов множества». Эту стилистическую фигуру могут «формировать» неопределенно-количественные числительные: *Она такая,*

*Примат недавно купил у срочников пуд патронов*²⁴ и на каждую смену брал с собой **пригоршню** – как семечки (З. Прилепин. Убийца и его маленький друг); *Вечером мы будем колдовать над кирпичной печкой, варить лекарства, а потом раздавать [больным заключенным]: **столовую ложку отвара и пуд несбыточных надежд*** (Е. Гинзбург. Крутой маршрут); *Просто внезапное желание записать кое-какие мысли приоткрыло в памяти шлюзы, из которых сначала **ручейком**, а затем **потоком** хлынуло прошлое...* (Д. Рубина. Синдром Петрушки); *...обустроить один маленький **островок райской жизни** для стариков – не проблема. ...Но это будет даже **не остров**, а так, **кораблик счастья** посреди океана беды... меня интересуют задачи глобальные. Не **кораблик** и не **островок**, а **материк!** Мне нужно обеспечить счастливую старость всему населению Российской Федерации...* (А. Борисова. Vremena goda).

«Материальную» основу антитезы часто мотивирует сопоставление человека как единицы с масштабами «толпы», человеческой массы: *Мы движемся **плотной массой**, я льюсь, как капля этой серой волны* (Е. Гинзбург. Крутой маршрут); *...Армия! Здесь армия, там еще что-то. Люди всегда кучками. Зачем тебе этот сопромат **толпы** – чтобы стать **кирпичиком**? И станешь, сам не заметишь*» (Д. Гуцко. Русскоговорящий).

2. Художественные метафоры: развернутые метафоры, метафоры-перифразы, метафоры-обобщения, персонификация / деперсонификация

*моя большая, занявшая две трети Евразии, страна. Много-много места... и совсем **немного** запуганных, много пьющих **людей*** (И. Стогоff. mAZIAfucker); и определенно-количественные числительные: *...за **два неполных года** он написал около **500 полновесных фельетонов и очерков**, не считая собственно беллетристики, принесшей ему два года спустя настоящее писательское имя* (Д. Быков. Был ли Горький?). Удивительная работоспособность, немислимая для нормального человека только в тексте – речевая фигура (исключительно малый срок противопоставлен непомерно большому результату работы), а в жизни – реальный, ставший историческим, факт.

²⁴ Архаичная русская мера веса пуд (около 16 кг) в этом контексте и в этой ситуации (нелегальной покупке патронов) используется как десемантизированная единица, номинация условно большого количества. В следующем контексте – *пуд надежд* – эта семантическая «опустошенность» еще более очевидна.

«Образы множества» как количественные метафоры в семантическом плане, естественно, являются основой для создания художественной метафоры. Особенно заметно это в случаях использования окказиональных метафор, при этом задачи их использования могут быть диаметрально противоположны, например, «эстетически заряженная» метафора в отношении бытового объекта: *И ожерелья голых кур* [на прилавке], *и длинные, даже без голов и перьев надменные гуси* (З. Прилепин. Санька), и напротив, «сниженная» – в отношении человека, который, по сути, «должен звучать гордо»: *Шмат людей, втиснутый между стен, источал усталость и панику...* (Д. Гуцко. Русскоговорящий), или других, априори эстетических объектов, например, книг: *...и минут десять..., читала, шевеля губами, названия книг в русском отделе (три полки завезенной сюда мелкой пестрой плотвы российского развода)* (Д. Рубина. Синдром Петрушки).

«Образы множества» образуют «цепочки» метафор (или «развернутые метафоры»), участвуют в создании цельных метафорических «картинок»: *Когда он наконец победил подъездную дверь... и проглотил целую стаю бритвенных лезвий в морозном воздухе...; ...он распеленал белейшую арктическую постель с двумя огромными айсбергами подушек...* (Д. Рубина. Синдром Петрушки), – в которых весь контекст «поддерживает» и развивает, усиливает некоторый исходный образ. В этом случае можно говорить о семантическом «выравнивании», «согласовании» метафор по принадлежности источников их образов к одной денотативной сфере²⁵. Например, использование репрезентантов образа ‘вода’: *Мысль о повторном аресте обожгла его, как глоток кислоты; но тут же этот страх утонул в море всепоглощающего счастья, в океане блаженства...* (Д. Быков. Орфография); *Ежедневный водопад новых слов выявил замечательную особенность моей памяти: она похожа на сито, в которое слова про-*

²⁵ При «рассогласовании» метафорического контекста имеет место синестезия: *...богатство осыпало его внезапным дождем искр, избавив от финансового ига...* (М. Уэльбек. Карта и территория); *«Охалка света»* (А. Тавров, цикл стихотворений в «Новом мире», 2012, № 6), которая в стилистических терминах интерпретируется как катахреза, оксюморон (об этом далее).

валиваются со свистящим звуком (Н. Нестерова. Воспитание мальчиков); *‘гора’*: *Молчание Латышева было необъятной горой, которая с готовностью подставляла себя под безудержный камнепад слов, поглощала их и становилась все больше* (Н. Соколовская. Винтаж); *‘птица’*: *...Карлович захлопал... ладошкой по... диванчику, призывая бесхозных красоток... прибыть на свободные места. Стайка тотчас вспорхнула по-воробьиному и через мгновение приземлилась за столиком тенора* (Д. Липскеров. Родичи); *‘растение’*: *Выходит, я все же полез в их колючие дебри* [семейных отношений]: *сам оцарапался и его шкуру в кровь изодрал.* (Д. Рубина. Синдром Петрушки); *‘автомобиль’*: *...неунывающая Лёля турнула еще троих мужей, обновляя их парк, как машины: каждый раз – новейшая модель с меньшим и меньшим пробегом* (А. Боссарт. Пенсионерка).

В случаях отсутствия конкретного денотативного объекта в ЛЗ слова (без ограничения «предметной сферы», в терминологии Н. А. Лукьяновой), с явным преобладанием значимости сигнификативного компонента²⁶ авторы как будто «разрабатывают» образ в каком-либо направлении: *Каждый [мужчина] приходит к ней с вереницей женщин-призраков, которые тянутся за ним, как баржа за буксиром, – пусть даже давно отцепились, но были же, были!* (А. Слаповский. Синдром Феникса); *Сотни тысяч, миллионы юзеров в виде светящихся точек, шариков, звезд и планет закружились передо мною, как виртуальная Галактика. Юзеры сходились и расходились, притягивались и отталкивались, сгущались вдруг в длинные хвосты тредов, хороводились и тусовались. Это была огромная беспорядочно сплетенная сеть. Дернешь за один узелок – отзовется в другом* (А. Житинский. Государь всея Сети) – образ сети вызывает противоречивые авторские ассоциации, одновременно высокие (со звездным небом), «приземленные» (с вязаным изделием).

С помощью количественных метафор в тексте реализуется и собственно структур-

²⁶ Например, неконкретизированные ЛЗ слов *вереница* ‘непрерывный ряд однородных предметов, существ, явлений и т. п., следующих один за другим’; *сеть* ‘о чем-л., напоминающем своим внешним видом множество скрещенных, переплетенных линий, нитей, волокон’ [БТС, 1998].

ная задача организации связного текста. Чтобы избежать лексических повторов²⁷, используются **метафорические перифразы**: *Пассажиры были в большинстве иностранцы, туристы. Пёстрая, разноязыкая толпа*. Прямо по Пушкину: «Какая смесь одежд и лиц, племён, наречий, состояний!» (И. Грекова. Фазан); *Кафедра вела множество курсов, большинство из них новые, необкатанные, без учебников, без задачников, без готовой методике* – словом, **научная целина**. Эту целину поднимали скопом, ошибаясь, исправляя ошибки и тут же впадая в новые (И. Грекова. Кафедра); *... Там уже толклись Колобок-Миша в бабочке, какая-то женщина с лицом Анжелы Табачник и с таким же количеством грудей и зномик-метрдетель... И отдельно от этого паноптикума на скамье сидел Петька* (Д. Рубина. Синдром Петрушки); *Вторую неделю медведь шел за людьми. Человеков было великое множество, состоявшее из мужчин, женщин, стариков и детей. Все это бредущее скопление было черно волосами, непрерывно галдело, орало и потрясало кулаками, уставленными в небо* (Д. Липскеров. Родичи); *... Из подворотни прямо ему под ноги выкатилась гурьба ребятишек и упала бьющейся кучей у ног* (Л. Улицкая. Зеленый шатер).

«Образы множества» появляются и в контекстах с перечислением чего-л. (или вместо него²⁸), и представляют некоторое метафорическое **обобщение** (по типу генерализации – логического перехода от частного к общему, заменой исходного понятия более широким), замыкающее ряд: *Встречающие [в роддоме] построились свиньей, как крестonosцы. Папы, мамы, тети и прочая пехота* (Слава Сэ. Ева); *Что им за дело*

²⁷ Но встречаются случаи намеренного лексического повтора, призванного вербализовать причинно-следственные связи: *В разговоре с Петей то и дело вставлял польские слова... В этом смешении и кружении слов Петя учуял ту же подспудную игру, магическую тягу к смешению и кружению смыслов, попытку завлечь...* (Д. Рубина. Синдром Петрушки); *Потому что я, несмотря ни на что, всю жизнь продолжал рисовать и писать красками и написал несметное количество никому не нужных рисунков и картин, живя за счет своей бедной матери, которой скоро исполнится сто два года. Потому что угробил несметную кучу времени, но только сейчас это понял* (В. Голявкин. Три похвалы).

²⁸ Ср.: *...услужливая Муска была под рукой и всегда готова на общение в придачу с душистым пловом и прочей пахлавой* (Н. Соколовская. Сука в ботах).

до наших советских фишек: сломанные дверцы, пустые бесконечные споры, застарелые протечки? Весь этот салат оливье? Это – мы, о нас, наше, с нами... (Е. Чижова. Терракотная старуха); *В мире всего поровну: радостей-красивостей... и прочего варенья с одной стороны; свинства-уродства-жлобства-поганства и всякого г... с другой...* (А. Борисова. Vremena goda)²⁹.

Метафоры множества, в зависимости от источника образа, могут выступать основой **персонификации** (или олицетворения, прозопопеи³⁰): *...обеденный круглый стол с дружиной тесно сдвинутых стульев* (Д. Рубина. Синдром Петрушки)³¹; *...проходя мимо висящей на стене компашки, он легонько толкнул одну из кукол плечом...* (Д. Рубина. Синдром Петрушки)³²; *...в дополнение картины над двором взметались и... падали чирикавшие воробьиные оравы...* (О. Славникова. Бессмертный); или **деперсонификации** (*Ольга стояла поодаль в окружении привычного роя поклонников мужского пола* (М. Уэльбек. Карта и территория)), часто сопровождаемой негативной эмотивностью или горькой иронией: *Забыв о мамашах-папашах, / Летят вереницы рабов. / Так много уехало наших, / Что Лондон уже, как Тамбов* (Д. Быков. Улетная).

Отметим, что чаще всего количественные метафоры обеспечивают одновременную реализацию нескольких тропов и фигур, например, *Рома в жизни выглядит так: из-за угла появляется облако женщин. Оно клубится, приближается, заполняет поме-*

²⁹ Можно сказать, что «кулинарная» лексика (номинации напитков и блюд) – *винегрет, каша, салат оливье...* (ср.: *Вот такие пироги!*) – как сферисточник чрезвычайно востребована для образования «образов множеств»: *Вот такое водное развлечение [игра в мяч на многолюдном пляже] ...меня больше занимало другое: как в таком людском «компоте» байкеры вообще могли разглядеть друг друга...* (А. Экслер. Дневник Анжелики...).

³⁰ В основе которых **энналага** – перенесение признака с одного понятия на другое (в данном случае номинации социальных групп используются для обозначения артефактов, натурфактов и пр.).

³¹ *Так она и рухнула, <...> раскидав во все стороны столпившиеся за ее спиной стулья* (Д. Гуцко. Русскоговорящий).

³² Эффекта буквального олицетворения добивается автор, введя в «зоо»-контекст производный предлог *перед* лицом: *После того, как она [наседка] повторила это [переворачивание яиц] достаточное число раз, дети проклевываются, и она обнаруживает себя, к своему удивлению, перед лицом выводка цыплят* (М. Шишкин. Письмовник).

щение... Это все пахнет страстью, движется мимо, гомонит и удаляется. Все. Рома Ланкин прошел. Он затерян в центре облака как протон, его никогда не видно (Слава Сэ. Ева) – в этом контексте есть гипербола, доведенная до абсурда (облако приближается – удаляется – Все. Рома... прошел), ирония (выглядит так... его никогда не видно), развернутая метафора (облако клубится, движется; с актуализацией сем 'движение', 'способность закрывать что-л.', 'форма / структура' – отсюда сравнение как протон³³), метонимия ([облако] гомонит), лексический повтор (облако женщин – в центре облака).

Дополнительные
стилистические функции
«образов множества»

Кроме этого, «образы множества» являются структурной основой для реализации:

- **метонимии**: И ведь никого другого не обругали в этом **сопящем клубке**... [людей в переполненном автобусе. – О. И.] (Д. Гуцко. Русскоговорящий); Едем долго как... Хочется слезть с бэтээра и веселой, шумной **мускулистой оравой** затолкать машину на холм; Мы стоим тяжело дышащей, **дурноглазой толпой**; Тупой **бестолковой гурьбой** бежим по коридору... (З. Прилепин. Патологии); За порогом стоял охранник, похожий на **гору мяса**. **Гора** свела брови на переносице... (Е. Чижова. Терракотовая старуха); в том числе синекдохи: И уже гудел, надвигался **вал солдатских сапог**, крики команд за стеной (А. Проханов. Знак Девы); И день разгорался с грехом пополам, / и стал он палаяц. / Курортная **шатия** белых панам / тащила на пляж (Л. Лосев. С грехом пополам); Со ступенек, нависнув над прибывающей **волной голов**, кричали те, кто пытался выйти... (Д. Гуцко. Русскоговорящий);

- **амплификации**: Костенко, да, сидел в тюрьме..., а они, его **свора**, его **паства**, его **ватага** – они стояли нервными рядами... (З. Прилепин. Санька); И опять снится Непрядвину тот же сон: будто идет он... видит, как прямо на тротуаре из **ящичков** про-

дают водку, **много бутылок, сотни бутылок, тысячи бутылок**... (А. Слаповский. Закодированный); Бригадир... сидел за дела серьезные – и разбои, и убийства, причем действовал он независимо, **вне бандформирований и группировок**, временных **шаек** и т. п. (А. Слаповский. Пересуд)³⁴;

- **иронии**: Директор предложила перейти в соседнюю школу [девочке, которая бьет одноклассников]. Там все еще бегали **сотни небитых детей**. Папа подозревал, другая школа не захочет чужих каратистов... (Слава Сэ. Ева); – Чуваки, а водка то кончилась! – вдруг сказал Тэд. – Как?! – ахнула женщина в мешке. – Там же **два ящичка** было! – Ну так и нас **тут два ящичка**, – хмыкнул Егоров, – даже, может, **три**... (А. Берсенева. Игры сердца), для создания которой используются различные механизмы **языковой игры**: Однажды на каком-то **толпилице** и **шумилице** я тоскливо слонялась... (А. Слаповский. Победительница) – окказиональное и аналогическое словообразование; ...Многие из нас, товарищи, впервые вымылись только после революции! А с другой стороны, дворянские и купеческие бани, они, товарищи, были в распоряжении **шайки** эксплуататоров, и эта **шайка** не подпускала к своим **шайкам** широкие массы! (В. Ардов. Цветочки-ягодки) – ассоциативное наложение омонимов; Царь-лежебока, самодержец **всего дворовой своры** (Д. Гуцко. Русскоговорящий)³⁵; – Этот храм был **депозитарием** Ленинки и **по самые купола** завален книгами, конфискованными в самых разных местах... (Д. Рубина. Синдром Петрушки) – различные модификации устойчивых сочетаний; А Даша словно не замечала его взгля-

³⁴ Такая же синтаксическая основа (построение однородного ряда) реализуется при простом перечислении, которое в определенных контекстных условиях также может восприниматься как стилистическая фигура, средство художественной выразительности, например: В кухне было **множество баночек, банок и коробок**, и любое видное место пропадало с глаз, стоило отнять руку от поставленного на него предмета. Нашелся чайник на холодильнике в окружении **трех пачек чая, коробки с нитками, старого будильника и двух кульков чернослива**... (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом) – в этом описательном фрагменте количественные лексемы рисуют вполне реалистичную (без утрирования и прикрас) картину бытового хаоса, над которой автор беззлобно иронизирует.

³⁵ Этот же прием реализован в названии романа А. Житинского «Государь всея Сети».

³³ Мотивирующим сравнение – человека в окружении женщин с протоном – семантическим признаком является компонент его ЛЗ: 'входит в состав ядра'.

да, а рассказывала об этом маленьком **стаде русских городов**: Баранов, Козлов и Быков (А. Житинский. Государь всея Сети) – обыгрывание внутренней формы (в данном контексте – «мифических» топонимов, вымышленных автором названий³⁶ провинциальных городов России, по которым путешествуют герои романа, и слова *стадо*);

• **эвфемизации**: – Ты... понял, что тебе сказали? – уточнил я, переходя на правильный тон, потому что времени было мало, а этот ублюдок заслужил весь **арсенал** незабвенной бабуся (Д. Рубина. Синдром Петрушки) (для обозначения нормального и привычного для бабуся инвективного лексикона, который в романе иногда цитируется дословно); *Третий сондом лопнул, и штурмовой отряд ворвался в нутро...* (С. Шаргунов. Малыш наказан); или, напротив, **дисфемизации**: *Короче, ее профессиональная жизнь сводилась к преподаванию противоречивой нелепицы **сборищу** придурков и карьеристов, хотя она и пыталась избежать столь определенных формулировок* (М. Уэльбек. Карта и территория); *«И Вы хотите стать царем этого **сборища** идиотов? Опомнитесь»* (А. Житинский. Государь всея Сети); *В Рязани вывели на митинг **стадо баранов**, голов в тридцать, с табличками, на которых значилось название главной президентской партии* (З. Прилепин. Санька) – в данном случае дисфемизация связана с желанием (автора или его персонажа) вербализовать пренебрежение, презрение к людям «ведомым», подчиненным чужой воле (в такой же степени, как скот³⁷), что и отражает оборот **стадо баранов**³⁸ в значении ‘люди, которые слепо, без рассуждений идут за кем-л.’;

³⁶ В них заключена аллегория: жители каждого из городов демонстрируют определенные социальные типажы, давно получившие «прописку» в русской лингвокультуре в качестве устойчивых зоонимических образов: *баран, козел, бык*.

³⁷ Внутренняя форма оборота, его соотношенность с зоологической предметной сферой дополнительно актуализируется лексемой *голова*, которая традиционно используется в сельском хозяйстве как единица счета «всякого рогатого скота».

³⁸ Это единственный фразеологизм, который Н. А. Лукьянова называет в качестве примера идиоматизации генетивного сочетания (на основе «метафоризации словосочетания в целом» [Лукьянова, 1986. С. 135]). По нашему мнению, все-таки не единственный; ср.: *ума палата, вагон и маленькая тележка* (чего-л.), А если учитывать возможность функционирования «образов множества» в составе модели

• **оксюморона и катахрезы** (объединенных по основному способу реализации – нарушению узувальной сочетаемости): *Немудрено, что Крупская не раз записывала в дневнике, что сегодня реакция мужа на врачей носила бурный, болезненный характер. Он [Ленин] и в самом деле лютой ненавистью ненавидел эту **адскую свору*** [врачей] (В. Шаров. Будьте как дети); *За мной такие **кобели табунами** бежали* (из х/ф «Жуков»); *Димка, искусно лавируя между **целым лесом** огромных для его роста колоннообразных **ног**, взял да нырнул под стол...* (А. Аверченко. Дети. Под столом) – ср. *лес рук*³⁹; *Понюшка **нашатыря** вернула Саню к жизни, физкультурник отнес его в медицинский кабинет* (Л. Улицкая. Зеленый шатер) – ср. *понюшка табака* (обыгрывается мотивирующая основа *нюхать*); *...Завалы... – **кромешные, непроходимые завалы*** [книг]! (Д. Рубина. Синдром Петрушки) – ср.: *кромешная тьма*;

• **аллюзии** (с опорой на разнородные прецедентные факты: песенные, литературные, исторические и др.): *И потом, чем вызывались все эти архаичные подтексты, дуэли, все эти игры женицн перед мужчинами, а мужчин перед женичинами и перед друг другом? Желанием доминировать. Стремлением быть первыми «**в стае, стаде, своре, сваре**»⁴⁰, как выразился один известный поэт...* (А. Слаповский. Победительница); *...пока в **вихре** безумного **миллиона алых роз** невица* [кукла в спектакле] *закруживалась залихватской юлой...* (Д. Рубина. Синдром Петрушки); *Клумба ведет себя, **будто свихнувшийся Чичиков**, скупающий мертвые души не ради заклада, а ради вечного владения **сонмом мертвецов*** (О. Славникова. Бессмертный); *В новые времена некоторым [непризнанным гениям] удалось пробиться. **Обернуться прекрасными лебедями**. Но большинство так и осталось массовой – **стайкой гадких утят*** (Е. Чицова. Тетракотовая старуха); *Не смотря на образованность, Кирилл **похож***

{V + N_s} (*лежать кучей, насыпать грудой*, то результатами идиоматизации можно считать и фразеологизмы: *идти косяком / косяками, течь / литься рекою*).

³⁹ Визуальный образ *лес* связан с фокусом зрения: для воспроизведения данного образа важно иметь объект непосредственно перед глазами (смотреть не сверху и не снизу, а прямо).

⁴⁰ Предположительно, здесь приводится неточная цитата песни В. Высоцкого.

на *Маугли*, только воспитан не стает волков, а шайкой электронных приборов во главе с банкоматом (А. Житинский. Государь всея Сети); Теперь же толпа пребывала повсюду – и *быть или не быть в толпе* больше не было вопросом выбора; ...а будет одно и то же: толпа, *ходьинка*, очередь...; Он раскрыл рот, чтобы спросить еще что-то... Разгневанный *римский легион* [очередь в паспортный стол] ожидал приказа к атаке. Задержись еще на секунду – и копья войдут меж лопаток (Д. Гуцко. Русскоговорящий); Скорее всего, я останусь, получу по башке, переберу вагон гороха, посажу *сорок* розовых кустов и в финале обрету нечто совершенно дурацкое, вроде *хрустальной туфли* (Слава Сэ. Ева); Детство – не только «*ковш душевной глубины*», но *Пастернаку*, но *кладезь* самых сильных, зашкаливающих эмоций... (Д. Быков. Предисловие к роману В. Аксенова «Ленд-Лизовские»);

- стилистических приемов синтаксической природы – **инверсии, сегментации, парцелляции**, т. е. средств эмфатического выделения, подчеркивания (обычно рематического компонента высказывания): *Божьих коровок* было великое множество (И. Кисельгоф. Необязательные отношения); ...он всегда знал, что не надо связываться с дураками: им ничего не докажешь. *Дураков* же в этом мире *повальное большинство*... (А. Слаповский. Пересуд); *Чтобы забрать деньги, у них была уйма времени. И возможностей* (Е. Чижова. Терракотная старуха).

«Образы множества» в лингвистическом тексте

Наблюдение за функционированием «образов множества» в научном тексте такого пестрого стилистического разнообразия, конечно, не дает, прежде всего потому, что строгость научного изложения по сути противоречит гиперболическим и метафорическим номинациям⁴¹. Как правило, исполь-

⁴¹ И совершенно оправданы они в комплексных научных жанрах – научной публицистике, научно-популярных текстах, литературно-критических статьях: ...на практике мало кто доходит до такого мещанства, чтоб втихнууть все эти тонны кавычек, все эти восклицания и вопросы в такой коротенький текст, переполнив его извинительными хихиканьями и подкашливаниями в кулачок (У. Эко. Как написать

зуются стершиеся метафоры, привычные, стандартные для научного повествования «образы множества»⁴²: *поток речи / речевой поток*⁴³; *пучок функций* (В. А. Плунгян); *Это самая многочисленная группа в составе блока; целая гамма залоговых значений* (И. П. Мучник), которые встречаются и в заголовках статей, например: *Лавина семиозиса, частично фиксируемая языком* <...> (Нина Б. Мечковская, 2004), монографий, словарей, например: *Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса* (Г. А. Золотова, 1988); *Словарь языка поэзии: образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века* (Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова, 2004).

Отметим, что своеобразный прецедент в рамках обсуждаемой темы создает *Национальный корпус русского языка*. В названии этого массива современных контекстов, «собраний», ставшего неотъемлемой частью практического инструментария русиста, то-

дипломную работу); *Дальше* [в статье Л. Аннинского о Шукшине] *продираться сквозь завалы и ограждения бесчисленных скобок, кавычек, многоточий, вопросительных знаков (и это писатель пишет о писателе!)* я по ветхости здоровья не мог. Да так и не понял, что же всё-таки хотел автор сказать, ядро ореха-то в чём? (В. С. Бушин. Проверка на лживость).

В жанре, которую мы условно назовем «юбилейная статья», «образы множества» могут обладать мощным экспрессивным потенциалом, что оправданно коммуникативной целью и вполне естественной «сверхзадачей» автора: он [В. Г. Гак] и в лексикографии, пользуясь языком военной юности гардемарина Гака, проложил надежный фарватер, по которому кильватерным строем следует целая флотилия молодых лексикографов, учеников и последователей (из статьи М. Я. Цвиллинг в сб. науч. тр. к 80-летию В. Г. Гака «Язык и действительность». М., 2006). Удачность этой метафоры связана с провоцирующими ею положительными ассоциациями: *флотилия* – *фигура Петра I* (масштаб личности) – *исключительная работоспособность, результативность, новизна*...

⁴² Конечно, невозможно представить, что в научном тексте лингвист, говоря о словах с ущербной парадигмой, например, называл ее *охвостьями*, или слова категории состояния – *всякой шушерой*. Такую степень экспрессивности (и накала!) научного текста даже вообразить сложно.

⁴³ Порой только на фоне сравнения с яркой метафорой осознается метафорическая основа привычного лингвистического термина. Ср.: ...*Речь Ивана Ивановича производила на непривычного человека сильное впечатление. Она текла единым потоком, не прерываясь на точки или абзацы, будто река. Иван Иванович заканчивал предложение, лишь доведя свою мысль до конца, а мысли у него обычно бывали неторопливыми и длинными*...; «Наверное, ему все равно, о чем рассказывать, – думаю я. – Лишь бы плыть себе по течению памяти» (А. Борисова. *Времена года*).

же используется «образ множества». «Колоритность» названия *Национальный корпус русского языка* заключена не только в нескромном «масштабировании» посредством прилагательного *национальный* и при этом метонимической лаконичности (*корпус русского языка*), но и в богатой «внутренней форме» лексемы *корпус*⁴⁴. В слове-образе *корпус* «просвечивает» и «материальная основа» [Лукьянова, 1975. С. 6] (*туловище человека или животного*), и другие метафорические значения, связанные с разными областями человеческой деятельности (*корпус самолета, танковый корпус, дипломатический корпус*). И весь «пучок» смыслов «работает» на реконструкцию образа *корпус* как неисчерпаемого ресурса разнообразных языковых единиц, который «вооружает» профессиональное сообщество бесценным материалом и становится стержнем, основанием для дальнейшего практического использования и возведения теоретических «конструктов»⁴⁵.

Скорее всего, в свое время Н. А. Лукьянова, говоря о расширении функциональной сферы «образов множества» и приводя примеры их употребления в речи лингвистов (*каскад синтаксических связей, синонимов, примеров, фактов, банк новых слов*) [Лукьянова, 1986. С. 133, 135], не предполагала такого массового «исхода» в научный дискурс, хотя признавала возможность – при условии замены существительного в позиции генитива нетипичным выражением – «выхода “образов множества” за рамки традиционной функциональной стилиевой сферы» [Там же. С. 133], а именно художественной и разговорной.

Обратившись к данной теме, мы убедились, что в научной стилистике (формализованной, строгой и даже «сухой») «образы множества» встречаются довольно часто и своим присутствием (сильным прагматическим потенциалом к «выразительному эф-

фекту») «оживляют» тексты, возможно, на контрасте с традиционным научным изложением: *В современном русском языке имена прилагательные – это самая многочисленная после имен существительных армия слов* (В. В. Виноградов); *Концепт существует в ментальном пространстве человека не в виде четких понятий, а как некий пучок представлений, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово...* (Ю. С. Степанов); *Для передачи невербальной составляющей служат так называемые эмотиконы, смайлики (рожицы). Однако, гамма передаваемых ими семантически-прагматических оттенков весьма бедна* (Т. Б. Радбиль). Давно забыты времена «гонений на метафору» [Лагута, 2003. Ч. 1. С. 29], поэтому в современных текстах можно обнаружить живые и яркие «образы множества» (иногда настолько оригинальные, что авторы заключают их в кавычки, правда, непоследовательно): *фундаментальная метафора «мир – текст» оказывается гносеологическим кладезем для самой метафорологии как науки; ...если язык науки может расширять свой терминологический «банк» за счет номинаций общеупотребительного лексического фонда, то увеличение массива общеупотребительной лексики метафорическими дериватами на основе терминов происходит редко* (О. Н. Лагута).

«Образы множества» в текстах Н. А. Лукьяновой

В текстах Н. А. Лукьяновой мы нашли «залежи» и «россыпи» квантитативных лексем: *Отдельные работы этого аспекта... существуют и, в первую очередь, в научно-исследовательском арсенале самого ученого* [о В. В. Виноградове]; *арсенал формальных средств выражения экспрессивности довольно широкий; авторы литературно-художественных текстов... имеют в своем арсенале различные способы и средства...; российская лексикография располагает огромным арсеналом разнообразных словарей; в этой группе прослеживается вся гамма эмоций; в лингвистической литературе и толковых словарях феномену «выразительный» («выразительность») приписывается довольно широкая гамма разнородных признаков; квазитермины «выразительный» и «выразительность» пере-*

⁴⁴ В анализируемом сочетании оно, с нашей точки зрения, является результатом вторичной метафоризации, на основе одного из ЛСВ (3. 'Совокупность множества каких-л. однородных предметов, образующих целое' [БТС, 1998]) с последующей специализацией и терминологизацией.

⁴⁵ В художественном тексте в этой лексеме актуализируются другие метафорические признаки и оживают другие ассоциации: Ср.: *Машины подружки – Корпус Невезучих. Из пятых только одна... замужем, и то из последних сил* (Д. Гуцко. Русскоговорящий).

дают целую **гамму** различных оттенков; вызвали к жизни новый **пласт лексики**; **множество** табуированных названий мифических существ; **круг** объектов; большой **«репертуар»** ЛСВ; опубликовано немало словарей фразеологизмов русского языка, расширился **репертуар** их видов; целый **ряд** вторичных номинаций...; **корпус** экспрессивных лексических единиц; в **корпусе** современных словарей преобладают словари активного типа; ...и далее [в статье ЛГ] описываются различные проявления глупости в нашей действительности; своего рода **коллекция** дураков; **сфера** лексических средств; чувства положительного **спектра** – доброжелательство, сочувствие, соучастие, соболезнование, милосердие, жалость и др.; формирования широкого **спектра** словесности; **спектр** экспрессивных функций; определенный **класс** или **пласт** лексики; фиксируются отдельные **группы, поля, пласты, массивы** слов; **массивы** слов, объединенных формальными признаками; огромный **массив** литературы, посвященной метафоре; ...с довольно разветвленной **сетью** разновидностей, пометы... не покрывают собой всей богатейшей **палитры** эмоций; при одиночном употреблении ЭЛЕ не эксплицируется их «экспрессивный эффект» в такой же степени, как в высказываниях / контекстах с **«россыпью»** экспрессивных единиц разных уровней и стилистических приемов; что современная российская лексикография имеет огромное множество словарей русского языка... и их **поток** увеличивается с каждым годом; помочь студентам разобраться в этом **море** словарей; ...толковые словари... фиксируют огромное количество ЭЛЕ и фразеологизмов, которые теряются в **безбрежном океане** номинаций и не получают в них адекватной семантической интерпретации...

Работы Н. А. Лукьяновой доказывают несостоятельность народной мудрости (*сапожник без сапог*): исследователь не только изучает «образы множества» как лингвистический объект, но и использует эти единицы в качестве метаязыкового инструментария⁴⁶. Это связано с тем, что Н. А. Лукьянова всегда имела дело с непаханным полем,

в пластах и напластованиях которого умела разглядеть логическую систему и естественные закономерности. Она по-лингвистически требовательно и по-женски до тошно стремилась навести порядок в экспрессивном лексическом **фонде** русского языка, «перетрясти» лексические и диалектные **запасы** и разложить их по полочкам, чтобы в конечном счете представить эти недискретные **массивы** и **множества**, лексических объектов как вполне дискретные, иерархически и стройно организованные (**ряды** и **пары, гнезда** и **цепочки, группы** и **подгруппы, системы** и **подсистемы, микро- и макросистемы**), иными словами, противопоставить лексическому хаосу строгую научную парадигму⁴⁷.

Список литературы

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic> на справочно-информационном портале Грамота.Ру

Везбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. М., 1988. С. 95–111.

Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск, 2003. Ч. 1, 2.

Лукьянова Н. А. Выражение содержания «в большом количестве» языковыми средствами литературного языка и диалекта // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974а. С. 107–121.

Лукьянова Н. А. Лексико-семантическая группа «множество» в системе русского литературного языка и говоров // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1974б. С. 12–22.

Лукьянова Н. А. Образы множества в языке и речи // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1975. Вып. 4. С. 3–20.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.

⁴⁶ И опять «образ множества», судя по ЛЗ: «**совокупность** инструментов, употребляемых в какой-л. специальности» [БТС, 1998].

⁴⁷ Этот процесс упорядочивания присущ и литераторам: ...буквально на днях я понял, что **связка** бурных и лохматых **текстов**, написанных в последние времена..., оказалась подчинена собственной **внутренней логике** – и все эти тексты **едины** (З. Прилепин. От автора // Terra Tartarara).

Матвеева Т. В. *Сто лет не видались*, или разговорный максимализм // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.

Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском

языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005. С. 150–168.

Материал поступил в редколлегию 29.03.2012

O. M. Isachenko

**STYLISTIC EFFECTS OF USAGE OF 'QUANTITY REPRESENTATION'
IN LITERARY AND SCIENTIFIC TEXTS**

The following article describes the functioning of units belonging to the lexical-semantic group 'quantity representation' in the Russian language, as well as the functional-semantic field 'quantity' in literary and scientific texts. The frequent usage of quantitative nominations in literary texts is related to their role as basis for many tropes and stylistic figures: hyperboles, literary metaphors, antithesis, amplification, irony, catachresis, allusions, inversion, etc. In linguistic meta language, 'quantity representations', despite their metaphoric basis, are primarily used in their nominative role, as discrete and non-discrete designations of language unit multitudes and special notions.

Keywords: functional-semantic field, quantitative metaphors, stylistic tropes and figures, expressive context, intensifiers, hyperbole, litotes, literary metaphor.